

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «БОНДАРЕНКО против РОССИИ»

(Жалоба № 5859/07)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

15 октября 2019 года

Данное постановление вступило в силу. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Бондаренко против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая Комитетом, в состав которого вошли:

Алина Полачкова, *Председатель*,

Дмитрий Дедов,

Жильберто Феличи, *судьи*,

и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,

проведя 24 сентября 2019 года заседание за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, утвержденное в указанную дату:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой против Российской Федерации, поданной в Суд 22 декабря 2006 года в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином данного государства Николаем Владимировичем Бондаренко (далее — «заявитель»).

2. Интересы заявителя, который получил бесплатную правовую помощь, были представлены В.В. Шухардиным, адвокатом, практикующим в г. Москве. Интересы Властей Российской Федерации (далее - «Власти») первоначально представлял Г. Матюшкин, бывший Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем его преемник на этом посту М. Гальперин.

3. 16 октября 2013 года жалоба в частях, касающихся жестокого обращения и произвольного содержания под стражей, была коммуницирована Властям, а остальная часть жалобы была объявлена неприемлемой в соответствии с пунктом 3 статьи 54 Регламента Суда.

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

4. Заявитель родился в 1972 году. В момент уведомления Властей о жалобе он содержался в исправительной колонии в г. Ставрополе.

А. Следствие по уголовному делу по факту вооруженного ограбления, задержание заявителя и его заявление о жестоком обращении

5. 3 апреля 2006 года следователь отдела милиции по Курскому району (Ставропольский край) начал следствие по факту вооруженного ограбления, совершенного в ночь с 1 на 2 апреля 2006 года.

6. Тогда же, 3 апреля 2006 года около 16.00 заявитель был задержан милицией по месту жительства и направлен в отдел милиции по Курскому району. Между 18:35 и 19:10 следователь допросил его как свидетеля по факту вооруженного ограбления, и заявитель дал описание своих действий 1 и 2 апреля 2006 года. Между 20:10 и 20:35 следователь провел очную ставку между заявителем и другим свидетелем. Между 20:55 и 21:44 заявитель был допрошен дополнительно, в ходе этого допроса он изменил показания.

7. Заявитель указывает, что он также участвовал в этот день в других следственных действиях, а именно, у него сняли отпечатки пальцев и взяли образцы слюны. Он заявляет, что после последнего допроса его не освободили, а содержали под стражей весь вечер и всю ночь в помещении отдела милиции по Курскому району. Он добавляет, что сотрудники правоохранительных органов Б. и С. угрожали ему и били его предположительно с целью заставить признаться в вооруженном ограблении.

8. 4 апреля 2006 года в 9:50 заявитель подписал протокол с «явки с повинной», который был составлен милиционером Б. и в котором заявитель признавался в совершении вооруженного ограбления.

9. После этого заявления заявитель был официально задержан в тот же день в 11:50 в качестве подозреваемого и допрошен в присутствии назначенного адвоката. Он подтвердил свои признания.

10. Тогда же, 4 апреля 2006 года при поступлении заявителя в изолятор временного содержания фельдшер отметила следующее:

«(...) [в нижней части] левого предплечья кровоподтек размером 5х5 см, (...) [в нижней части] левого плеча небольшой синяк в стадии заживления, боль при пальпации в области 10-12 ребер (...) Диагноз: ушиб грудной клетки с правой стороны (...), ушиб левого плеча (...)»

Фельдшер назначила заявителю обезболивающие препараты, рентгенографическое исследование и консультацию хирурга.

11. 6 апреля 2006 года хирург гражданской больницы осмотрел заявителя и установил, что у него имелся ушиб грудной клетки с правой стороны. В тот же день заявитель прошел рентгенографическое исследование грудной клетки, по результатам которого врач пришел к выводу о том, что на радиограмме грудной клетки костной свежей патологии не отмечается.

В. Проверки заявлений о незаконном содержании под стражей и жестоком обращении, поданных заявителем

12. 7 апреля 2006 года заявитель подал жалобу на сотрудников правоохранительных органов Б. и С. в связи с превышением власти. В своей жалобе он заявлял, что незаконно содержался под стражей в помещении отдела с 3 по 4 апреля 2006 года, что указанные выше сотрудники правоохранительных органов, которые хотели силой добиться признаний вины, били его кулаками и дубинкой.

13. В рамках предварительных проверок по заявлениям заявителя следователь допросил фельдшера, которая осматривала заявителя 4 апреля 2006 года. Она подтвердила, что установила у заявителя кровоподтек на левом плече, а также ушиб грудной клетки.

14. Следователь назначил также медицинского эксперта, который должен был установить, имелись ли у заявителя повреждения и, в соответствующем случае, их происхождение и степень тяжести. 10 апреля 2006 года назначенный эксперт осмотрел заявителя, а также изучил его медицинскую карту (см. пункты 10 и 11 выше). 11 апреля 2006 года он дал заключение, в котором устанавливал, что у заявителя не было ушиба грудной клетки, но имелся зеленоватый кровоподтек размером 5х5 см в нижней части левого плеча. В соответствии с этим заключением этот кровоподтек был получен в результате удара твердым тупым предметом и мог быть получен за 7-9 дней до медицинского осмотра заявителя экспертом.

15. Сотрудники правоохранительных органов Б. и С. пояснили, что в результате проведения различных оперативно-следственных мероприятий они установили, что заявитель совершил вооруженное ограбление. Они указали, что в связи с этим они задержали его в его доме 3 апреля 2006 года и доставили в отдел милиции по Курскому району, где поговорили с ним и провели опрос по факту этого правонарушения. Они утверждали, что к заявителю не применялось никакого жестокого обращения или психологического давления.

16. 17 апреля 2006 года следователь вынес решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Ссылаясь на показания сотрудников правоохранительных органов, которые отрицали заявления о жестокости, сделанные заявителем, а также на показания фельдшера, в соответствии с которыми кровоподтек на плече заявителя находился в стадии заживления, следователь заключил, что действия сотрудников правоохранительных органов не являлись превышением власти.

17. Заявитель подал жалобу на это решение в Курский районный суд Ставропольского края, который отклонил ее решением от 7 сентября 2006 года, посчитав, что отказ в проведении расследования соответствовал требованиям закона. Суд счел, что, назначив медицинскую экспертизу заявителю и получив объяснения соответствующих сотрудников правоохранительных органов, следователь произвел все необходимые следственные действия. 23 ноября 2006 года Ставропольский краевой суд оставил данное решение суда без изменений в кассационном порядке.

18. В неустановленную в материалах дела дату заявитель оспорил постановление об отказе в возбуждении уголовного дела прокурору Ставропольского края. Двумя письмами от 29 января и 26 февраля 2007 года прокуратура Ставропольского края уведомила заявителя о том, что прокурор Курского района отменил указанное постановление как необоснованное и вынес распоряжение о проведении дополнительных проверок. Результат указанных проверок неизвестен.

В. Уголовный процесс и осуждение заявителя

19. В ходе производства в Курском районном суде Ставропольского края заявитель, который заявлял, что он дал признательные показания на этапе следствия после избияния его сотрудниками правоохранительных органов, оспорил эти признания. Он заявил, что он был задержан 3 апреля 2006 года и незаконно содержался под стражей и подвергался пыткам в помещении отдела милиции до момента подписания им явки с повинной от 4 апреля 2006 года.

20. Сотрудники правоохранительных органов Б. и С. засвидетельствовали на заседании, что 3 апреля 2006 года другие сотрудники правоохранительных органов привезли заявителя в качестве подозреваемого в отдел милиции в рамках расследования вооруженного ограбления, затем они сами отбирали у него пояснения и беседовали с ним в течение 1-3 часов. Б. и С. указали, что они затем отпустили заявителя, который добровольно явился в отдел милиции на следующий день, 4 апреля 2006 года в 8.00, чтобы подписать явку с повинной.

21. 27 декабря 2006 года Курский районный суд Ставропольского края признал заявителя виновным в вооруженном ограблении и приговорил его к девяти годам тюремного заключения. Он отклонил заявления заявителя о жестоком обращении, ссылаясь на решение об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников правоохранительных органов, оставленное в силе в судебном порядке (см. пункты 16 и 17 выше). Он не вынес никакого особого заключения по заявлению о незаконном содержании под стражей.

1 марта 2007 года Ставропольский краевой суд подтвердил заключения суда и оставил этот приговор в силе в кассационном порядке.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

22. Положения Уголовно-процессуального кодекса (далее - «УПК»), относящиеся к предварительному следствию, возбуждению уголовного дела и рассмотрению судом жалоб, подаваемых на решения органов власти, ответственных за ведение дела, описаны в постановлении Европейского суда от 24 июля 2014 года по делу «Ляпин против России» (*Lyapin c. Russie* (жалоба №46956/09, пункт 99).

23. В соответствии со статьей 92 УПК после доставления подозреваемого в орган дознания в срок не более трех часов должен быть составлен протокол задержания, в котором указываются следующие сведения: дата и время составления протокола, а также

дата, время, место, основания и мотивы задержания лица, и другие обстоятельства его задержания.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

24. Заявитель жалуется по факту его содержания под стражей с 3 по 4 апреля 2006 года в отделе милиции по Курскому району, поскольку оно не было зарегистрировано и являлось произвольным. Он ссылается на пункт 1 статьи 5 Конвенции, которые в частях, применимых к настоящему делу, гласят следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы, за исключением следующих случаев и законным путем: (...)

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения (...)

A. Заявления сторон

25. Власти указывают, что в материалах дела не имелось документов, относящихся к задержанию заявителя 3 апреля 2006 года. Они также ссылаются на показания сотрудников правоохранительных органов, данных на заседании в Курском районном суде, в соответствии с которыми заявитель не проводил ночь с 3 на 4 апреля 2006 года в помещении отдела милиции. Власти добавляют, что 3 апреля 2006 года заявитель являлся свидетелем и не принимал участия ни в каких следственных действиях в ночь с 3 на 4 апреля 2006 года. Следовательно, по мнению Властей, заявитель не содержался под стражей и не был лишен свободы по смыслу статьи 5 Конвенции. Власти, по-видимому, считают, таким образом, что эта статья не применяется *ratione materiae*.

26. Заявитель указывает, что он был задержан 3 апреля 2006 года около 16:00 и что, начиная с этого момента и до 11:50 4 апреля он был лишен свободы и не мог покинуть отдел милиции. Он также жалуется, что это содержание под стражей, которое, по его словам, продлилось до 4 апреля 2006 года, не было нигде зарегистрировано. Он считает, что органы власти использовали предлог его допроса в качестве свидетеля, чтобы иметь возможность лишить его свободы, не уведомив о его процессуальных правах, и считает, что такое незарегистрированное содержание под стражей было произвольным.

В. Мнение Суда

27. Суд учитывает косвенное возражение Властей, в соответствии с которым заявитель не был лишен свободы по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции, и поэтому жалоба является, таким образом, неприемлемой *ratione materiae*. Он считает, что этот вопрос по существу тесно связан с существом жалобы о непризнании его содержания под стражей, поданной заявителем. Также Суд принимает решение объединить это возражение с существом дела.

28. Установив, что эта жалоба не является явно необоснованной в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой по другим причинам, Суд объявил ее приемлемой.

29. Суд напоминает, что любое лишение свободы должно соответствовать цели, преследуемой статьей 5 Конвенции, а именно, защиты лица от произвола. Произвол возникает, например, в случае, когда присутствует элемент недобросовестности или обмана со стороны органов власти (подробное изложение этих принципов см. в постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Соединенного Королевства» (*Saadi c. Royaume-Uni*), жалоба №13229/03, пункты 68-69, CEDH 2008). Суд напоминает также, что непризнанное или незарегистрированное содержание лица под стражей является полным отрицанием основных гарантий, закрепленных статьей 5 Конвенции и чрезвычайно серьезным нарушением этого положения (см. постановление Европейского Суда по делу «Менешева против России» (*Menecheva c. Russie*), жалоба №59261/00, пункт 87, CEDH 2006-III, и постановление Европейского Суда от 18 сентября 2014 года по делу «Рахимбердиев против России» (*Rakhimberdiyev c. Russie*), жалоба № 47837/06, пункт 35). Суд напоминает, наконец, что для определения того, находится ли человек в состоянии «лишения своей свободы» в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции, нужно исходить из его конкретной ситуации и принимать во внимание совокупность таких критериев, как род, продолжительность, последствия и способ применения указанной меры (см., например, постановление Европейского Суда от 16 июля 2015 года по делу «Алексей Борисов против России» (*Aleksey Borisov c. Russie*), жалоба №12008/06, пункт 81, с приведенными в нем ссылками).

30. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, он отмечает, что на внутригосударственном уровне было установлено, что 3 апреля 2006 года около 16:00 заявитель был задержан дома и направлен в отдел милиции по Курскому району, поскольку он подозревался в совершении вооруженного ограбления. С 18:35 до 21:44 следователь трижды допрашивал заявителя в качестве свидетеля по факту вооруженного ограбления; также по этому же поводу его «опрашивали» сотрудники правоохранительных органов, при этом «опрос» продлился до трех часов. Затем, в соответствии с версией сотрудников правоохранительных органов, заявитель вышел из отдела

милиции, чтобы вернуться обратно на следующее утро (ср. пункты 6, 15 и 20 выше).

31. Таким образом, с учетом того, что с самого начала органы власти рассматривали заявителя в качестве подозреваемого в рамках следствия по факту преступления, о котором идет речь (см. пункт 15 выше), Суд считает, что допрос заявителя в качестве свидетеля являлся лишь поводом, чтобы удерживать его под своим контролем. В этих обстоятельствах он считает очень маловероятным, что вечером 3 апреля 2006 года заявитель мог свободно покинуть отдел милиции (см. постановление Европейского Суда от 30 января 2018 года по делу «Макаренко против Украины» (*Makarenko c. Ukraine*), жалоба № 622/11, пункт 62, постановление Европейского Суда от 26 июня 2018 года по делу «Фортальнов и другие против России» (*Fortalnov et autres c. Russie*), жалоба №7077/06 и 12 других жалоб, пункты 62 и 64, с приведенными в нем ссылками, и постановление Европейского Суда от 9 октября 2018 года по делу «Голубятников и Жучков против России» (*Golubyatnikov et Zhuchkov c. Russie*), жалобы №№ 44822/06 и 49869/06, пункты 78-79).

32. Таким образом, если даже предположить, что сотрудники правоохранительных органов отпустили заявителя после «опроса», Суд, абстрагируясь от видимого представления и используемой терминологии и стремясь получить представление о реальной ситуации, считает, что пребывание заявителя в помещении отдела милиции с момента задержания 4 апреля 2006 года около 16:00 до, как минимум, окончания своего «опроса» сотрудниками правоохранительных органов, является лишением свободы и содержанием под стражей по смыслу подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

33. Суд отмечает, что содержание заявителя под стражей не было зарегистрировано. В самом деле, до 11:50 4 апреля 2006 года не было составлено ни одного документа, касающегося задержания заявителя, тогда как УПК предусматривает обязательное составление протокола задержания в течение трех часов после доставления подозреваемого к следователю (см. пункт 23 выше, а также прочно установившуюся правоприменительную практику Суда, осуждающую необоснованные задержки при составлении протоколов задержания, например, упоминавшееся выше постановление по делу «Рахимбердиев против России», пункт 36, с приведенными в нем ссылками, и упоминавшееся выше постановление по делу «Макаренко против Украины», пункт 65, с приведенными в нем ссылками; см. также постановления по делам, указанным в постановлении Европейского Суда от 11 декабря 2018 года по делу «Родионов против России» (*Rodionov c. Russie*) (жалоба №9106/09, пункт 158) о существовании практики российских властей, заключающейся в задержке оформления статуса подозреваемого на основании статей 91 и 92 УПК в отношении задержанного лица, лишая его таким образом, возможности эффективного осуществления своих прав).

34. Суд считает, таким образом, что заявитель подвергся непризнанному и незарегистрированному содержанию под стражей и что пункт 1 статьи 5 Конвенции применим *ratione materiae*. Следовательно, он отклоняет возражение о неприемлемости жалобы, косвенно представленное Властями.

35. Кроме того, в ходе своего незарегистрированного содержания под стражей заявитель не имел доступа ни к врачу, ни к адвокату и не пользовался процедурными гарантиями, предоставляемыми лицам, подозреваемым в совершении уголовного правонарушения (см., например, упоминавшееся выше постановление по делу «Фортальнов и другие против России», пункт 77, с приведенными в нем ссылками), что сделало его особенно уязвимым для предполагаемого жестокого обращения (см., например, постановление Европейского Суда от 11 октября 2016 года по делу «Леонид Петров против России» (*Leonid Petrov c. Russie*), жалоба №52783/08, пункт 54, и упоминавшееся выше постановление по делу «Голубятников и Жучков против России», пункт 83).

Следовательно, имеет место нарушение подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

36. Это заключение освобождает Суд от необходимости исследовать вопрос о том, содержался ли заявитель под стражей в помещении милиции в течение остальной части ночи с 3 на 4 апреля 2006 года.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

37. Заявитель заявляет, что под контролем милиции он подвергся обращению, которое он считает несовместимым со статьей 3 Конвенции, и что по факту его заявлений не было проведено никакого эффективного следствия. Он ссылается на статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Заявления сторон

38. Ссылаясь на постановление об отказе в проведении расследования, оставленное в силе судами, а также на показания милиционеров на заседании (см. пункты 10 и 20 выше), Власти считают, что к заявителю не было применено жестокого обращения. Они указывают, что, с одной стороны, кровоподтек, который был обнаружен фельдшером на плече заявителя, не был свежим и не мог появиться 3 или 4 апреля 2006 года, а, с другой стороны, ушиб грудной клетки у заявителя не был подтвержден медицинским экспертом. Они утверждают, что предварительные проверки заявлений заявителя были

своевременными и достаточно строгими, чтобы удовлетворять требованиям статьи 3 Конвенции.

39. Заявитель утверждает, что сотрудники правоохранительных органов его били и ему угрожали в ходе содержания его под стражей, которое он считает произвольным, в помещениях отдела милиции с 3 по 4 апреля 2006 года, и что предварительные проверки по этому заявлению о жестоком обращении были явно недостаточными и, следовательно, несовместимыми, на его взгляд, со стандартом статьи 3 Конвенции. Он жалуется, в частности, на то, что его мать, которая, как предполагается, видела его непосредственно перед его задержанием 3 апреля 2006 года и могла подтвердить отсутствие какого-либо повреждения на его теле, не была допрошена. Он также считает, что происхождение его повреждений не получило никакого достоверного объяснения.

В. Мнение Суда

40. Установив, что жалоба не является явно необоснованной в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой по другим причинам, Суд объявил ее приемлемой.

41. Суд недавно напомнил в постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буид против Бельгии» (*Bouyid c. Belgique*) (жалоба №23380/09, CEDH 2015), что если указанные события разворачиваются полностью или в значительной части в сфере исключительного ведения властей, как в делах лиц, находящихся под их контролем в местах лишения свободы, в связи с травмами, причиненными в этот период, возникают прочные фактические презумпции. Обязательство доказывания ложится, таким образом, на власти государства-ответчика: им надлежит предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение, предоставив доказательства, устанавливающие факты, которые поставят под сомнение рассказ потерпевшего. В отсутствие такого объяснения Суд вправе сделать заключения, которые могут быть неблагоприятными для властей (*там же*, пункт 83). Кроме того, положения статьи 3 Конвенции требуют, чтобы в какой-либо форме проводилось эффективное официальное расследование, если лицо доказуемо утверждает, что полиция или другие аналогичные государственные службы применили к нему противоречащее статье 3 обращение (*там же*, пункт 116).

1. По факту достоверности заявлений заявителя о жестоком обращении

42. Суд отмечает, что 4 апреля 2006 года, после незаконного и незарегистрированного содержания заявителя под стражей под

контролем милиции 3 апреля 2006 года (см. пункт 33 выше) фельдшер установила наличие повреждений грудной клетки и плеча у заявителя.

43. В том, что касается ушиба грудной клетки, хирург подтвердил наличие такого повреждения 6 апреля 2006 года. С другой стороны, рентгенографическое исследование заявителя выявило отсутствие «костной свежей патологии» (что может пониматься скорее как отсутствие проблемы, связанной с костями грудной клетки, чем как отсутствие какого-либо травмы грудной клетки). Затем, 10 апреля 2006 года медицинский эксперт установил, что у заявителя не имелось ушиба.

44. Что касается ушиба плеча, Суд указывает, что фельдшер описала две травмы: небольшой синяк на стадии заживления, который мог вообще исчезнуть к моменту осмотра заявителя экспертом через шесть дней, а также кровоподтек размером 5x5 см (см. пункт 10 выше). Медицинский эксперт подтвердил наличие этого последнего кровоподтека, который мог появиться 7-9 днями ранее (то есть, между 1 и 3 апреля 2006 года) и который возник вследствие удара твердым тупым предметом.

В этих обстоятельствах Суд считает, что как ушиб грудной клетки, так и кровоподтек могли, по всей вероятности, возникнуть в результате жестокого обращения, о котором заявлял заявитель.

45. Он напоминает, что тот факт, что в течение вечера 3 апреля 2006 года и части ночи с 3 на 4 апреля 2006 года заявитель незаконно содержался под стражей в помещении милиции и «опрашивался» сотрудниками правоохранительных органов, не имея возможности воспользоваться гарантиями, предусмотренными для подозреваемых и, в частности, доступом к врачу и адвокату, свидетельствует об уязвимости заявителя по отношению к сотрудникам правоохранительных органов. Это обстоятельство является чрезвычайно весомым доводом в пользу версии событий заявителя (см. постановление Европейского Суда от 2 мая 2017 года по делу «Олисов и другие против России» (*Olisov et autres c. Russie*), жалоба №10825/09 и 2 других, пункты 75-79, с приведенными в нем ссылками).

46. Суд считает, таким образом, что жалоба заявителя на жестокое обращение была достаточно правдоподобна, чтобы являться «доказуемой жалобой», в отношении которой могло быть проведено эффективное расследование.

2. По факту эффективности проверок заявлений о жестоком обращении

47. Суд указывает, что заявления заявителя были отклонены органами власти со ссылкой на показания милиционеров, которые опровергли обвинения в жестокости, заявленные в их отношении, и что они, таким образом, были отклонены даже без проведения следствия по уголовному делу.

48. Суд подчеркивает, что уже было определено, что отказ внутригосударственных органов власти в возбуждении уголовного дела по факту доказуемой жалобы на жестокое обращение со стороны милиции должно рассматриваться в качестве признака нарушения государством своего обязательства по проведению эффективного расследования в соответствии со статьей 3 Конвенции (упоминавшееся выше постановление по делу «Ляпин против России», пункты 133-140). Суд не видит никакого основания для иной констатации факта в данном деле.

49. Суд считает, что следствие по уголовному делу явилось бы адекватным ответом на утверждения заявителя о жестоком обращении, поскольку оно позволило бы провести все следственные действия, предусмотренные УПК, такие, помимо прочего, как допросы, очные ставки, опознание, следственные эксперименты (см., например, упоминавшееся выше постановление по делу «Олисов и другие против России», пункт 81, с приведенными в нем ссылками, и упоминавшееся выше постановление по делу «Голубятников и Жучков против России», пункт 107).

50. Суд отмечает, кроме того, что медицинская экспертиза заявителя была проведена через три дня после его жалобы и выявила кровоподтек на плече заявителя, нанесенный твердым тупым предметом между 1 и 3 апреля 2006 года (см. пункты 14 и 44 выше). Между тем, следователь, ответственный за проведение предварительных проверок, не попытался дать объяснение этой травме. Вместо этого он ограничился указанием на то, что небольшой кровоподтек у заявителя не был свежим и не мог быть получен 3 или 4 апреля 2006 года.

51. В свете вышеизложенного Суд считает, что не было проведено эффективного расследования по поводу утверждений о жестоком обращении, сделанных заявителем. Следовательно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

3. По объяснениям, предоставленным Властями, чтобы поставить под сомнение версию событий заявителя

52. Суд отмечает, что для оспаривания довода заявителя Власти опираются на результаты предварительных проверок, которые были ими проведены по жалобам заявителя. Однако с учетом того факта, что результаты этих проверок не соответствуют требованиям статьи 3 Конвенции (см. пункт 51 выше), он считает, что Власти не предоставили правдоподобных объяснений телесным повреждениям заявителя и не выполнили наложенного на них обязательства опровергнуть достоверную версию событий, представленную заявителем. Следовательно, он считает установленной версию событий заявителя, в соответствии с которой он подвергся жестокому обращению в то время, когда он находился под контролем милиции. Он устанавливает, что это обращение было достаточно грубым, чтобы

считаться бесчеловечным и унижающим достоинство по смыслу статьи 3 Конвенции.

53. Из этого следует, что было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Олисов и другие против России», пункты 83-85, упоминавшееся выше постановление по делу «Голубятников и Жучков против России», пункт 108, с приведенными в нем ссылками).

III. О ПРИМЕНЕНИИ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

54. Статья 41 Конвенции гласит следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

55. Заявитель требует 50 000 евро в качестве возмещения морального вреда, который, по его мнению, был ему причинен. Власти считают, что требуемая сумма является чрезмерной и что в любом случае установление факта нарушения само по себе является достаточной справедливой компенсацией.

56. Принимая во внимание обстоятельства данного дела и установление нарушений Конвенции, о которых был сделан вывод, Суд считает, что заявитель оказался в бедственной ситуации, пережил ущемление прав и чувство несправедливости, которые не могут быть устранены одной только констатацией нарушения. Учитывая совокупность располагаемых им материалов, Суд считает, что имеются основания для присуждения 25 350 евро заявителю в качестве возмещения морального вреда.

57. Суд считает целесообразным установить процентную ставку за просрочку платежей в размере предельной учетной ставки Европейского центрального банка плюс три процентных пункта.

В. Расходы и издержки

58. Заявитель требует 1 580 евро в качестве компенсации издержек и расходов, понесенных, по его словам, в ходе разбирательства в Суде, подлежащих переводу непосредственно на счет В.В. Шухардина. В подкрепление своего требования он предоставил документ под названием «почасовой расчет работы адвоката В.В. Шухардина по делу «Бондаренко против России (...)»». Власти предлагают Суду отклонить это требование, поскольку заявитель, по их мнению, не

предоставил подтверждающих документов по оплате в связи с заявленными расходами.

59. Суд напоминает, что заявитель может получить возмещение своих расходов и издержек только в той мере, в которой был установлен их реальный объем, необходимость и обоснованность. О реальности расходов на оплату услуг представителей свидетельствует факт их оплаты заявителем, либо наличие у него обязательства по их оплате. Применительно к обстоятельствам настоящего дела Суд подчеркивает, что заявитель не представил заключенного с представителем В.В. Шухардиным соглашения о выплате вознаграждения или какого-либо иного документа, подтверждающего наличие у него правового обязательства по оплате расходов на представителя. При таких обстоятельствах Суд считает, что ничто не подтверждает вывод о реальности заявленных к возмещению расходов. Из этого следует, что это требование должно быть отклонено.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявил* жалобу приемлемой;
2. *Постановил*, что имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции;
3. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее материально-правовом и процессуальном аспектах;
4. *Постановил*:
 - а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев выплатить заявителю сумму в 25 350 евро (двадцать пять тысяч триста пятьдесят евро) в качестве компенсации морального вреда, которая должна быть переведена в валюту государства-ответчика по курсу, действующему на дату выплаты, а также любой налог, который может быть начислен на эти суммы;
 - б) что по истечении указанного срока и до момента выплаты на эту сумму будут начисляться простые проценты, равные предельной учетной ставке Европейского центрального банка, действующей на данный период, плюс три процентных пункта;
5. *Отклонил* остальные требования о справедливой компенсации.

Составлено на французском языке, и письменное уведомление о постановлении направлено 15 октября 2019 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Алина Полачкова
Председатель